

A romantic couple is featured in a lush forest setting. The man, with dark, wavy hair and a light beard, wears a white button-down shirt and has his arms around the woman. The woman has long, curly brown hair and is wearing a dark blue velvet dress. They are both looking towards the camera with soft expressions. The background is a soft-focus forest with tall trees and green foliage.

Ева Стелла

Узоры судьбы

Ева Стелла

Узоры судьбы

«Литнет»

2026

Стелла Е.

Узоры судьбы / Е. Стелла — «Литнет», 2026

Уставшая от бесцветной жизни реставратор Майя Колосова находит в музейной мастерской старинный восточный ковёр с таинственной золотой нитью. Одно прикосновение и её вырывает из привычной реальности, бросая в 1881 год, в имение Каменских. Очнувшись на осенней дороге, она вынуждена выдать себя за Анфису Чернову, пропавшую невесту сурового хозяина Арсения Каменского. Но в старинной усадьбе кипят не только страсти: за фасадом благополучия скрывается родовое проклятие, алчность управляющего, тайны прошлого и загадка самого ковра, способного разрывать ткань времени. Чтобы выжить и найти путь обратно, Майе придётся не просто играть роль. Ей предстоит распутать клубок старых обид, противостоять невидимым врагам и, возможно, переписать узоры не только чужой, но и своей собственной судьбы. Даже если это значит навсегда изменить прошлое или остаться в нём.

© Стелла Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. Трещина в лаковой глади	5
Глава 1. Чужая невеста	7
Глава 2. Тени под резным потолком	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пролог. Трещина в лаковой глади

Майя Колосова ненавидела запах скипидара. Он въедался в волосы, пропитывал кожу, стоял в легких едким, терпким туманом. Десять лет в реставрационной мастерской Государственного музея превратили этот запах в синоним её жизни: застойной, бесцветной, безнадежно застрявшей между прошлым и будущим.

Она отложила скальпель и откинулась на спинку старого деревянного стула, который жалобно скрипнул. Перед ней лежал почти законченный портрет – молодая девушка в платье цвета увядшей розы, с невидящим взглядом темных глаз. Майя вернула этим глазам блеск, тщательно, слой за слоем, восстанавливая утраченный лак. Но сама она чувствовала себя именно так: утраченной. Ей тридцать два, у неё нет ни семьи, ни страсти, ни даже кошки. Только эти молчаливые лица с холстов, которые требовали ее внимания, души, ничего не давая взамен.

«Ещё одна душа, которой ты подарила вечность, пока твоя собственная пылится на полке», – ядовито подумала она.

В мастерскую, пропуская скудный осенний свет, заглянул начальник, Леонид Сергеевич.

– Колосова, завтра привезут новую партию из имения Каменских. Подвалы вскрыли, там целый склад забытой живописи и декора. Первичный осмотр и опись на тебе. Особенно внимательно посмотри на большой восточный ковёр. Говорят, состояние плачевное, но сюжет уникальный.

– Хорошо, – монотонно ответила Майя, даже не оборачиваясь.

– Майя... – голос Леонида Сергеевича смягчился. – Может, отпуск возьмешь? Ты вся выгоревшая.

– Кто же будет спасать ваши души? – она кивнула на портреты. – Я в порядке, Леонид Сергеевич.

Но она не была в порядке. Была пустой. Как эта мастерская по вечерам, когда уходил последний сотрудник и оставались только тени от подрамников да призраки ушедших эпох.

На следующий день привезли «новую партию». Два грузчика с осторожностью, достойной обращения со святыней, внесли в мастерскую огромный, свернутый в рулон, ковер. Когда его развернули на специальном столе, Майя ахнула, забыв на мгновение про свою усталость.

Это был шедевр. И он действительно умирал. Основа протерта до дыр, краски поблекли, бахрома истлела. Но угадывавшийся узор завораживал. Это не были привычные восточные мотивы. В центре, в обрамлении причудливых, переплетающихся как корни деревьев орнаментов, была выткана сцена: молодая женщина в платье второй половины XIX века стояла на пороге богатого деревянного дома, а перед ней на коленях – мужчина. Их руки почти соприкасались, но не соединялись. А вокруг – буйство природы: могучие дубы, поле диких цветов, река, убегающая вдаль. Сцена была полной такой тоски и такого напряжения, что у Майи сжалось сердце.

Она надела увеличительные очки, взяла пинцет и мягкую кисть. Нужно было аккуратно очистить поверхность от вековой пыли. Её пальцы, привычные и точные, скользили по шершавой поверхности. И вдруг она нащупала нечто иное. В самом центре, в месте, где должны были

соприкасаются руки пары, из глубины основы проступала одна-единственная нить. Она была не шерстяной и не хлопковой, а шелковой и мерцала странным, теплым золотом, которого не могло быть при тусклом свете люминесцентных ламп.

Любопытство, то самое, что когда-то привело ее в реставрацию, шевельнулось в груди. Майя попыталась поддеть кончик нити пинцетом, чтобы понять способ ее крепления. В тот момент, когда металл коснулся шелка, по её руке пробежала волна жара. Не ожога, а глубокого, внутреннего тепла, идущего от самого сердца ковра. В ушах зазвенело, свет ламп поплыл и заискрился. Перед глазами замелькали обрывки образов: то самое поле с цветами, лицо мужчины с карими глазами, полными боли, чей-то испуганный женский крик, запах дыма и сирени...

Майя резко отдернула руку, сбив очки. Сердце колотилось как бешеное. «Галлюцинации. Переработка. Леонид Сергеевич прав», – пыталась она убедить себя, делая глубокий вдох. Но запах скипидара сменился. В воздухе явственно витал тонкий, сладковатый аромат сирени. Посреди октября.

Она посмотрела на ковер. Золотая нить теперь светилась мягко, как далекая звезда. И сцена на нем будто ожила: казалось, трава на поле колыхнулась от ветра, а фигура женщины стала чуть более отчетливой. Майя почувствовала неодолимое, почти гипнотическое желание снова коснуться этой нити. Разум кричал об опасности, но всё её существо, уставшее от серой реальности, рвалось к этой тайне, к этому обещанию иного мира.

«Вот и всё, – подумала она с горькой иронией. – Либо я схожу с ума, либо...»

Она не закончила мысль. Её пальцы, будто помимо воли, снова потянулись к мерцающему шелку. На этот раз она коснулась его кожей.

Мир взорвался светом и звуком.

Её не просто бросило в темноту, вырвало из реальности с такой силой, что тело пронзила физическая боль, будто каждую клетку разобрали на атомы, а потом собрали заново. Она летела сквозь вихрь запахов и красок: вот пахнет свежим хлебом, вот холодным железом, вот кожей и потом, вот яблоками и дымом. Она видела вспышки лиц, интерьеров, пейзажей, мелькающих с бешеной скоростью. И сквозь этот хаос пробивался один ясный, как колокольный звон, звук – голос. Мужской. Глубокий. В нём была ярость, боль и что-то ещё, от чего сжалось ее сердце, даже не понимавшее, чей это голос.

– Анфиса! Ради всего святого, где ты?!

Потом был удар. Не о твердую поверхность, а о что-то упругое, пахнущее землей и травой. Воздух вырвался из легких. И всё стихло.

Глава 1. Чужая невеста

Первым чувством стал холод. Влажный, пронизывающий до костей холод земли. Потом – боль. Голова раскалывалась на части, всё тело ныло, будто её переехал каток. Майя стонала, не открывая глаз, пытаясь собрать себя по кусочкам. Она лежала на чем-то мягком и неровном. Сквозь сомкнутые веки пробивался слепящий свет.

«Мастерская... люстры... я упала?»

Но запахи! Это были не запахи мастерской, а густая симфония: сырая земля после дождя, прелая листва, дымок (где-то явно топили печь), дикие травы и конский навоз. Резкий, неприкрытый, сельский.

Она заставила себя открыть глаза.

Над ней было небо. Огромное, бездонное, пронзительно-синее, какое бывает только ранней осенью после грозы. По нему плыли ослепительно-белые кучевые облака. Майя никогда в жизни не видела такого неба в городе. Она лежала в какой-то канаве, заросшей мокрой травой и лопухами. Справа темнела стена леса – настоящего, дремучего, пахнущего хвоей и влажным мхом. Слева уходила вдаль дорога – не асфальтовая, а грунтовая, укатанная, со следами колес и подков, заполненная лужами после недавнего ливня.

Паника, острая и слепая, вцепилась ей в горло. Она резко села, и мир завертелся. Голова закружилась так, что её едва не вырвало.

– Лежи, не двигайся! – раздался рядом повелительный мужской голос, тот самый, что она слышала в вихре.

Майя медленно, преодолевая тошноту, повернула голову.

В двух шагах от нее был человек. На лошади. Высокий гнедой конь беспокойно перебирал ногами, фыркая. А всадник... Он смотрел на неё сверху вниз, и его лицо было бледным от напряжения, а в темных, почти черных глазах бушевала буря из эмоций: гнев, невероятное облегчение, растерянность и что-то дикое, необузданное.

Он был одет странно. Темные, узкие брюки, заправленные в высокие сапоги. Светлая рубашка, расстегнутая у ворота, поверх нее надет длинный сюртук из тонкого сукна, на который местами налипли комья грязи. На голове – никакой кепки, темные волосы были всклокочены, будто он много раз проводил по ним рукой.

«Костюмированная вечеринка? Съёмки?» – лихорадочно соображала Майя. Но всё было слишком реально. Запах лошадиного пота, грязь на его одежде, глубокая колея на дороге – это не было бутафорией.

– Ты... – её голос прозвучал сипло и чуждо. – Где я? Что происходит?

Глаза мужчины сузились. Он резко спрыгнул с седла и двумя шагами оказался рядом, опустил на одно колено. Его лицо теперь было так близко, что Майя увидела золотистые

искорки в его карих радужках, тонкие морщинки у глаз и жесткую линию сжатых губ. От него пахло конем, дождем, дорогой и чем-то ещё – кожей, можжевельником, мужчиной.

– Что с тобой, Анфиса? – произнес он тихо, но так, что каждое слово било как молот.
– Ты узнаешь меня?

Анфиса. Это имя прозвучало как удар хлыстом. Майя отшатнулась, упершись локтями в мокрую землю.

– Я не Анфиса, – выдохнула она. – Я Майя. Майя Колосова. Я реставратор. Я была в музее...

Она замолчала, увидев, как его лицо исказилось гримасой не то ярости, не то отчаяния.

– Хватит! – рявкнул он, и Майя вздрогнула. – Хватит этих игр! Твоя карета перевернулась на повороте у Чертова оврага. Я искал тебя три часа! Весь дом на ногах! А ты лежишь здесь и строишь из себя сумасшедшую?

Он схватил её за плечо, и его пальцы впились в кожу сквозь тонкую ткань блузки (её собственной, современной, синей трикотажной блузки, которая теперь была вся в грязи и зацепах). Прикосновение было жгучим, властным.

– Посмотри на себя! – он тряхнул её. – Ты вся перепачкана, лицо в царапинах. Ты могла погибнуть!

Его голос надломился на последнем слове. И в этой трещине Майя вдруг увидела не злого незнакомца, а человека, который действительно был на грани. Которому было страшно.

Паника внутри неё немного отступила, уступив место холодному, аналитическому ужасу. Карета. Овраг. Его одежда. Ее собственные знания истории искусства. Всё складывалось в чудовищную, невозможную мозаику.

– Какой сейчас год? – прошептала она, глядя ему прямо в глаза.

Он отпрянул, будто она ударила. Несколько секунд он просто смотрел на неё, и его взгляд стал изучающим, почти клиническим.

– Ты ударилась головой, – констатировал он наконец, и гнев в его голосе сменился ледяной, отстраненной озабоченностью. – Сильно ударилась. Год, Анфиса, 1881-й от Рождества Христова. Сентябрь, двадцать второе число.

Мир вокруг Майи замер. Звуки – щебет птиц в лесу, ржание его коня, шелест листьев – отодвинулись куда-то далеко, превратившись в глухой фон. В голове гудело одно: 1881. Цифра билась о стенки черепа, как пойманная птица. Она знала этот год. Из учебников, архивных описей, дарственных надписей на картинах. Это было прошлое. Далекое, пыльное, неживое прошлое. В него не попадали – ходили на экскурсии.

И всё же, запахи. Холод земли под руками. Боль в виске. Суровая, живая красота мужского лица перед ней. Всё это было ужасающе, неоспоримо реально.

Она посмотрела на свои руки. На узкие джинсы, покрытые грязью. На кроссовки с яркой синей полоской, один из которых порвался, обнажив носок. Это была её одежда. Из XXI века. Она была здесь, в этой чужой, слишком яркой, слишком пахнущей реальности. И её принимали за другую. За Анфису.

«Ковер... – мелькнула догадка. – Золотая нить. Это он меня привёл или выбросил сюда».

– Арсений! Вы её нашли? – раздался новый голос, молодой, взволнованный.

По дороге, спотыкаясь о кочки, бежал юноша лет восемнадцати в простой холщовой рубаше и картузе. Его лицо было бледным от волнения.

– Нашёл, Гриша, – отозвался мужчина, Арсений. Его голос снова стал твердым, властным. – Беги в усадьбу, скажи, чтобы готовили горячую ванну, грели постель и звали Фёдора Кузьмича. Барышня в шоке, возможно, сотрясение.

– Слушаюсь, барин! – Юноша бросил на Майю испуганно-любопытный взгляд и помчался обратно по дороге.

Арсений снова повернулся к Майе. Теперь его взгляд был невозмутимым, как поверхность озера перед грозой.

– Встать можешь? – спросил он просто.

Майя кивнула, не доверяя голосу. Он протянул ей руку. Большая, сильная рука с длинными пальцами и мозолями на ладони. Она медленно подняла свою и положила в его. Его ладонь была горячей, шершавой, живой. Он потянул её на себя легко, почти без усилий, и Майя встала, пошатнувшись. Он тут же подхватил её под локоть, удерживая.

– Три шага до лошади. Ты поедешь со мной. Держись.

Он не спрашивал, умеет ли она ездить верхом. Просто взял её за талию – крепко, уверенно – и почти поднял, усаживая в седло перед собой. Майя вскрикнула от неожиданности. Она оказалась зажатой между его руками, держащими поводья, теплой, твердой грудью сзади и лукой седла спереди. От него исходило тепло, и этот близкий, интимный контакт с почти незнакомым мужчиной вверг её в новый виток смятения.

– Сиди смирно, – его голос прозвучал прямо у её уха, низкий, вибрирующий.

Он щелкнул языком, и лошадь тронулась ровной, размашистой рысью. Дорога вела в сторону от леса, через поле, еще хранившее следы недавнего ливня. Майя молчала, цепляясь за луку седла, пытаясь осмыслить происходящее. Она в прошлом. В 1881 году. Её зовут Анфиса. Этот грозный, красивый мужчина, Арсений, явно имеет к ней отношение. И судя по его словам она его невеста? Жених искал пропавшую невесту. Логично.

Ужас начал медленно отступать, уступая место острому, почти болезненному интересу. Она, реставратор, знаток эпохи, оказалась внутри неё и видела не картину, а жизнь. Эту самую грунтовую дорогу, это самое поле, этот самый воздух. И этот самый мужчина...

Она почувствовала, как его дыхание касается ее шеи, ритмично движется его грудная клетка у нее за спиной. Он молчал, и это молчание было напряженным, густым.

Впереди показались ворота. Деревянные, резные, с полустёршейся краской. За ними открывался вид на усадьбу.

Майя затаила дыхание.

Это был не дворец из красного кирпича, как она представляла себе купеческие имения. Просторный, двухэтажный деревянный дом, выстроенный в классическом русском стиле, но с налетом европейского влияния. Резные наличники на окнах, застекленная веранда, увитая уже пожухлым виноградом, высокая тесовая крыша. Дом стоял на пригорке, вокруг него был разбит сад с аккуратными дорожками, уже пустыми клумбами и большими раскидистыми липами. От дома веяло ухоженностью, спокойствием и деньгами. Тихими, прочными деньгами.

На крыльце уже стояло несколько человек. Пожилая женщина в темном платье и белом чепце, две девушки в форменных фартуках горничных, тот самый юноша Гриша и ещё один мужчина, немолодой, с бородкой и в очках, с медицинским саквояжем в руке.

Арсений подъехал прямо к крыльцу и легко, одной рукой, помог Майе слезть. Её ноги подкосились, но он снова подхватил её, не давая упасть.

– Фёдор Кузьмич, к вам, – коротко бросил он доктору. – Анфиса Петровна не в себе, не помнит обстоятельств. Возможно, удар головой.

Пожилая женщина сделала шаг вперед, ее лицо было искажено беспокойством.

– Господи помилуй... Барышня, родная, как же вы нас напугали!

– Внутрь, все, – властно оборвал её Арсений. – Марфа, ванна и постель, как я велел. Остальные – по делам.

Его тон не допускал возражений. Майю почти внесли в дом.

Первое, что её поразило – запахи: воска, древесины, лаванды, печного тепла и ещё чего-то неуловимого – запах жилого, обжитого дома, где всё имеет свой век и свою историю. Они прошли через просторные сени, устланные домоткаными дорожками, и поднялись по широкой лестнице с резными балясинами на второй этаж.

Комната, куда её привели, была светлой и большой. Высокие окна с тяжелыми портьерами, кровать с резной спинкой и горой подушек, туалетный столик с трюмо, диван у камина, в котором уже весело потрескивали дрова. В углу стояла медная лохань для ванны, и девушки-горничные уже таскали кувшины с горячей водой.

– Раздевайте её и в ванну, – приказал Арсений, стоя на пороге и не заходя внутрь. – Фёдор Кузьмич осмотрит после. Я буду в кабинете.

Он повернулся и ушел, его шаги гулко отдались по коридору.

Марфа, пожилая женщина, с материнской, но твердой заботой принялась снимать с Майи грязную, мокрую одежду. Майя покорно позволяла это делать, её разум работал с бешеной скоростью. Она должна играть роль, должна быть Анфисой, пока не поймет, что происходит и как вернуться назад. Если это вообще возможно.

– Беда, беда какая... – причитала Марфа, снимая с неё порванный кроссовок. – И нарядилась-то во что-то невиданное... Совсем память отшибло, видно.

Майя ступила в горячую воду, и блаженное тепло начало размораживать ее окоченевшее тело. Она закрыла глаза, погружившись по плечи. Шум в голове понемногу стихал.

«Я в 1881 году. В имении Каменских. Я – Анфиса Петровна Чернова, невеста Арсения Каменского. У меня сотрясение мозга и амнезия. Это мое прикрытие. Я должна выжить. Я должна узнать, как вернуться. И для начала я должна узнать, что случилось с настоящей Анфисой».

Она открыла глаза и увидела свое отражение в воде. Бледное лицо, большие испуганные глаза, влажные темные волосы. И где-то в глубине этих глаз была уже не паника, а решимость реставратора, взявшегося за самую сложную работу в своей жизни. Реставрацию чужой судьбы. И, возможно, своей собственной.

За дверью слышались сдержанные шаги и голос Арсения, говорившего с доктором. Голос был низким, усталым, но в нем слышалась стальная нотка.

«Он мне не верит, – подумала Майя. – Он знает, что-то не так. И он будет наблюдать».

Она сжала кулаки под водой. Игра началась. И от того, насколько хорошо она сыграет, зависела теперь не только ее судьба, но и, как ни странно, судьбы этих людей – Арсения, Марфы, доктора, всех обитателей этого дома, чьи портреты она, возможно, когда-то держала в своих руках в далеком-далеком будущем.

А за окном, в саду Каменских, падал лист клена, и последние лучи солнца зажигали в нём алое пламя. Осень 1881 года вступала в свои права.

Глава 2. Тени под резным потолком

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.